

Андрей Затонский
Десять лет походов спустя

Размышления над походным фотоальбомом

Андрей Затонский
Десять лет походов
спустя. Размышления над
походным фотоальбомом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41609258

ISBN 9785449643452

Аннотация

В повести рассказывается о походе околочетвертой категории сложности по Приполярному Уралу, пройденному в августе 1996 года. Поход состоялся через десять лет после того, как автор впервые почувствовал рюкзак на спине; таким образом, в каком-то смысле книга претендует на подведение определенных итогов в туризме и руководстве походами. Текст написан непосредственно по окончании путешествия.

Содержание

Предисловие 2019 года	5
Вступление	11
1	13
2	19
3	29
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Десять лет походов спустя
Размышления над
походным фотоальбомом**

Андрей Затонский

© Андрей Затонский, 2019

ISBN 978-5-4496-4345-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие 2019 года

В спортивный туризм я попал достаточно случайно. Так сложились обстоятельства, что у меня был хороший пример для подражания, старший брат Алексей, которому я вообще стремился подражать во всём, в чем можно. А он любил походы и турслеты, вернее, вспомогательные мероприятия, неизбежно сопровождающие каждый турслет. Поэтому в походы мне ходить чисто теоретически очень хотелось, хотя я совершенно их не представлял себе – как они устроены, что там бывает, да и для чего это всё.

Кстати, «для чего» – и сейчас не представляю.

Вторая случайность привела меня в березниковский городской комсомольский штаб «Трубачи», где самодеятельная песня и участие в простеньких походах были нормой жизни, а Категорийные Походы (произносилось именно так, с большой буквы) превращали их участников в легендарные и героические личности. Именно с ГКШ я сходил свой первый поход на Усьву, на Столбы, в мае 1986 года, то есть в безобразно позднем возрасте для начала занятий туризмом: в шестнадцать лет. Через два года со штабистами же я сходил в первый в жизни категорийный поход, а затем сводил три пеших похода, три лета подряд в 1988—1990 годах¹. Успеш-

---

¹ Они описаны в первой книге этой серии «Брызги первых дождей».

ность их была весьма переменной, радость достижений сильно омрачалась детскими ссорами, детскими же неудачами в отношениях с подружками, ну и, конечно, тем, что от запланированного обычно удавалось сделать немного.

С той же степенью уверенности я могу сказать, что в спортивный туризм я попал совершенно неслучайно, предопределенно. В самом деле, моя пионерско-комсомольская активность практически не могла не привести меня в ГКШ, а там зачатки интересов, посеянные братом, не могли не расцвести буйным чертополохом. Да и какая разница, случайно или нет?

В походе 1990 года по Приполярному Уралу я окончательно сдружился с будущей женой Светланой. Я был тогда студентом МГТУ им. Н. Э. Баумана, она только что поступила в МИТХТ им. М. В. Ломоносова, так что территориальная основа для отношений просматривалась совершенно очевидно. Поход оказался последним для моей штабной походной компании, ядром которой (совершенно равновесным мне) был мой одноклассник Витя. Он тоже сдружился окончательно в том походе со своей будущей женой, но так сложилось, что ни в один поход вместе мы больше не сходили.

Затем последовал весьма неудачный поход 1991 года на Приполярный. Как только поход Свете надоел, она заявила, что сломала рюкзаком позвоночник, и по этой причине пришлось от устья Пон-Ю идти не на Олений перевал,

а на Желанную через хребет. Дома перелом прошел в течение недели и больше никогда не беспокоил.

Итогом столь продуктивной дружбы не могла не оказаться свадьба – и она состоялась в августе 1992 года. В качестве свадебного путешествия мы сходили на сплав по реке Мойве в только что созданном Вишерском заповеднике. По легенде, нас туда направила газета «Примета», специальный выпуск которой был затем посвящен этому походу.

После череды откровенно неудачных вылазок 1993 и 1994 годов, в 1995-м мы вчетвером все же сходили в поход третьей категории сложности на Приполярный, от Кожим-Рудника до Манараги и дальше на Желанную². Его результат, в целом, нас порадовал, так как после пятилетнего перерыва снова удалось побывать на Манараге, а тогда для нас это очень много значило. Соответственно, в головах стали появляться всякие-разные мысли о дальнейшем росте. Мысли эти поддерживал Андрей, участник похода 1995 года, тоже крепко сдружившийся со Светой. Настолько, что после окончания мною аспирантуры (с чего начинается эта повесть) он с ней полтора года пожил в одной общежитской комнате, и закончилось это только синхронно с рождением нашей дочери. Вроде бы месяцев за восемь до последнего он чего-то накосячил в материальной стороне совместной жизни, а потому был изгнан с применением специального визита туда тёщи (моей), однако в 1996-м году до этого оставалось

---

² Он описан во второй книге этой серии «Авантюра».

еще довольно много времени.

Последний раз на Мойве: лето 1997 года

Я так тогда считал, что уже довольно много времени хожу в походы, имею колоссальный опыт руководств, между делом заскочил на Кавказ и на Тянь-Шань, в общем – к руководству четверкой готов? всегда готов. Как пионер. Десять лет в походах все-таки, время какие-то итоги подводить. Вот и стал итогом описываемый поход, второй (и последний) поход компании со студенческим ядром.

Какие случайности и неслучайности моей туристской жизни сложились за следующие двадцать лет походов, придется написать в послесловии. Дело в том, что литературный запал, вызвавший появление всех трех книг этой серии, на данном походе практически иссяк. Возможно, прочтение книги даст вам понять одну из возможных причин – почему, но были и другие. Выход на работу осенью 1996-го года, прибавление в семье (после чего все ресурсы следовало посвятить ребенку и жене, а не походам) и так далее. Однако этот, довольно яркий и своеобразный поход меня-таки сподвиг взяться за перо осенью 1996 года, и результат – вот он.

Как в предыдущих книгах, фамилии всех персонажей удалены (от греха подальше), а текст сопровождается моими теперешними комментариями. Так сказать, двадцать лет спустя после десяти лет спустя. К именам, увы, появились отчества – возраст, так сказать.

Герои повествования, кроме меня, частично пришли из похода 1995 года (молодая жена Света и Андрей, на тот

момент закончивший МГТУ и поступивший в аспирантуру). К ним добавилась моя племянница, дочка Алексея, тоже Света – поэтому для различия приходится их называть «Большая» и «Маленькая». И два Алексея, аспиранты кафедры холодильной и криогенной техники, по аналогии – тоже «Большой» (Владимирович, мой ровесник) и «Маленький» (Борисович, ровесник и одноклассник Андрея).

Повесть я в 1996 году написал в формате комментариев к походному альбому, содержащему около тысячи снимков. В этом походе снимали, во-первых, впервые на цветную негативную пленку, а во-вторых – с двух рук, я и Алексей Борисович. Отсюда такое небывалое до тех пор количество снимков. В этом походе вообще много чего было впервые, и много было классного.

Читайте, в общем.

Вступление

*Доводилось нам сниматься
И на снимках улыбаться*

Важнейшим свойством фотографий является их способность пробуждать воспоминания. При взгляде на маленькую карточку сила мысли бесконечно расширяет её пределы в пространстве и перебрасывает в отдаленные времена. Даже если картинка черно-белая, мир окрашивается в яркие цвета. В лицо ударяет ветер перемен, происшедших с момента съемки, и сами они вдруг мелькнут расплывчатой пеленой, в которой память нет-нет, да и выцепит новые детали.

Взгляд, направленный в снимок, стекленеет, реальный мир заволакивает туман, и долго ещё ошалело крутит головой любитель предаваться ностальгии, если его грубо вырвать из желанного небытия.

Передо мной пятьсот двадцать походных фотографий. Август тысяча девятьсот девяносто шестого года. Приполярный Урал. Юбилей – первого мая десять лет назад я впервые ступил на тропу вдоль берега шумной Усьвы, не ведая, к чему она приведет. Да и сейчас не знаю, кстати сказать. Глянцевые цветные снимки выстраиваются в логичную череду...

Нет, не надо меня «грубо вырывать из желанного небытия»! К черту заботы, дела и потерянные часы! Самое вре-

мя посмотреть каждую карточку и доверить бумаге то, чего на них нет. Или то, что с трудом можно разобрать. Или то, чего и с трудом рассмотреть нельзя, поскольку не случилось, а очень хотелось.

* * *

Смотреть на это невозможно. Просто невысказано. Надя нависает над высоченным – этажа три, однако – скальным обрывом, небрежно опираясь ногой на склизкий ствол странной елки, причудливо торчащей из склона. Рукой почти не придерживается – зачем? Смотрит на нас, кто впервые на Усьвинской стенке, и полна нетерпения: сколько можно набираться духу, чтоб подняться на такую ерунду? Залубеневшая веревка упрямо обвивается вокруг запястья, так и норовя скovyрнуть нетвердую руку с влажного камушка. Подавляя панический позыв вцепиться зубами в ноги уже взобравшихся асов, на четвереньках переваливаешься через край стенки. А впереди ещё кошмарный крутой желоб, покрытый плотно утоптаным крупнозернистым майским снегом, где можно не то, что морду лица, штаны до задницы стереть, если сиуришишь, а потом колодец, а потом ведь отсюда спускаться вниз, к лагерю, теплу, костру и спальнику, и опять по этой неладной стенке...

Так я начинал десять лет назад, в мае восемьдесят шестого года. Так все мы когда-то начинали.

1

Яркое московское солнышко слепит кучку туристов, почти скрытых рюкзачищами. Ярославский вокзал, тридцатое июля 1996 года. Все довольные, чистые, сытые, да вот отчего мне не нравится моя собственная морда?..

Есть грех. Каюсь. К весне, замордованный диссертацией, Москвой, финансовыми проблемами и прочей ерундой, я совершенно остыл. Растерял жар прошлого лета, крылатое ощущение неожиданного успеха. Пылкость угасла, освободив место печальным расчетам и думам.

Вроде всё шло путем. В кои-то веки собрались все, кто

собирались: и Лёша Большой, и даже Лёша Маленький, и уж, конечно, Андрей (Марабу), да две Светы Затонских – полный комплект. Собрали деньги на продукты, закупили. Договорились о разрешении в Югид-Ву. Большой дал письменное торжественное обещание, что, в качестве подготовки к походу, намерен воздерживаться от обильных возлияний. Маленький, опытный байдарочник-озерник, свято полагал, что раз поездом только до Кожим-Рудника, то дальше будем добираться на автобусе, да ничего, потерпим. Марабу³ при каждой встрече осведомлялся о ходе предподходной подготовки. Все горели азартом путешествий. Все. Кроме меня.

Поход не задался с заброса. Светина коленка, расшибленная в прошлом походе, стабильно болела, обостряясь в зависимости от настроения. И нечего тут искать язвительность, поскольку ещё мудрейший из мудрых абу Али Хуссейн ибн Абдаллах ибн Сина, иначе Авиценна, в древние времена установил, что все болезни, кроме одной, происходят от нервов.

Нервов в качестве источника хворей хватало и у другой своенравной Светы, весьма молодой по сравнению с нами, а потому наделенной совершенно другим моральным кодексом, привычками и лексиконом.

Меня мучил некстати подцепленный отит. Как тут сообщать по поводу похода, когда справа тишина, а слева всё время гроыхает канонада? Но это всё ерунда по сравнению

---

³ См. «Авантюра», вторая книга трилогии.

с главной незадачей.

Московские мужики не смогли приехать в Березники, как договаривались. Нам со Светками пришлось переться в белокаменную. Билетов, как водится, не оказалось; до Перми нас забросил на рабочей буханке брат Алеша, а дальше двигались на перекладных.

В Москве смущенный Андрей, встретив нас на вокзале, объявил, что сухарями у них ещё и не пахнет, что мужики до вечера заняты на шабашке, и не хило бы ещё недельку там поработать, а потом и о походе подумаем... Я взбеленился, прискакал в «подводную лодку», лабораторию, где царствует Большой, и с удовольствием устроил скандал. Когда же выяснилось, что Бегемот (то есть Лёша в те моменты, когда хочется сделать ему плохо) послал Марабу перехватить меня и не дать купить билеты, а он постеснялся, и билеты куплены, а завтра ехать никак невозможно, я чуть было не сделал фасонный оверштаг и не помахал ручкой. К счастью, вскоре обнаружилось обстоятельство, позволяющие задвинуть шабашку и бежать за хлебом – сушить.

Сухари с туристами прибыли в общежитие на полтора часа позже намеченного срока. Алексей всю ночь выпивал и был бодр и весел. Марабу всю ночь, как проклятый, сушил хлеб на всех подводников, а потому спал стоя, сидя и в других позах. Что касается Лёши Маленького, то его вечно ровное настроение способно укрепить веру в то, что человек по природе своей хорош.

Света Большая им выдала. Я предусмотрительно смылся, и видел с другого конца коридора, как сквозь дверь вылетают черные перья, шматки бегемотьей кожи и что там можно оторвать зубами и когтями от Маленького. Нет, Железным Дровосеком его прозвали позже, поэтому ни стальных опилок, ни, скажем, масленки со спиртом не пролетало.

По окончании взбучки завхоз мило поприветствовала молодых людей, представила им Свету Маленькую, я поспешил присоединиться, и началась раздача снаряжения. До поезда оставалось четыре часа.

На вокзал прибыли удивительно синхронно: Маленький на машине с отцом и мы – на метро. Папа Маленького всех нас построил, вычленил из общей массы руководителя, переписал поголовно и обозначил контрольные сроки. Так-то вот. Чтоб не потерялись. Затем вытащил из сумки «мыльницу» и сделал тот самый снимок, с которого я начал, а фотоаппарат передал сыну. Я глянул и ахнул: один из движков на верхней панели венчали две до боли знакомые буквы «W» – «T». С трансфокатором!! Впоследствии оказалось, что мыльница ещё круче, чем на первый взгляд, но тогда мне и этого хватило.

Более идиотских билетов и придумать нельзя: шесть верхних купейных мест. Ни пожрать, ни посидеть. Одно счастье – коридор. Что, не нравится? Поезжайте двадцать вторым фирменным. Ну и что, что билет до Печоры стоит четырёх тысяч, зато они – свободно. Ещё подлая соседка с ниж-

него места в одном из наших купе не приходила почти до самого отправления, вселяя несбыточные надежды, а потом взяла и пришла. Обломись вам, ребята.

Мужики сбегали на вокзал за бутылками с газировкой – заливать жару, вернулись с лёшиным папой, который подарил девицам по красной пластмассовой корзиночке со всякими сладостями, а сыну отдал какую-то сумку. Бока её подозрительно раздувались.

Андрей и на разборку к Свете попал уже в кондиции (вяло подпирал стенку и улыбался чему-то своему, девичьему, пока драли перья) а к поезду состояние усугубилось. Очень скоро притяжение матраса возобладало над желанием пообщаться с завхозом. Вполглаза отслеживая траекторию, он устроился на полке, сопровождаемый подозрительно доброжелательными напутствиями девочек, и до следующего полудня мы его больше не видели.

Источник доброжелательности вскоре обнаружился. Во-первых, Света Маленькая никак не могла решить, перед кем же распускать хвост. Хвост один, мальчиков трое. Проблема. Она металась от одного к другому, то хорохорилась, то подлизывалась, то дурила не в меру, и с исчезновением одной кандидатуры ей, кажется, полегчало. Потяжелело менту-старлею, проходившему по составу в сопровождении двух угрюмых младших сержантов. Маленькая зазывно угостила его боржомом, подчеркнув, что поят тут только офицеров. Офицер расцвел и выпил боржом – воду! – за здо-

ровье и молодость восхитительной незнакомки. Неофицеры понурились. На обратной дороге старлей получил на закуску шоколадку из набора сладостей Светы Большой, от чего цвел до самого Сосногорска и приветливо раскланивался с дамами, выходя погулять на крупных станциях.

Во-вторых, бока у сумки, как уже было отмечено, раздувались. Завхоз наметанным нюхом учуяла оттуда запах бананов, и судьба лишнего клюва птицы Марабу решилась сама собой: нафиг его. Кроме бананов в сумочке обнаружались и другие фрукты с прочими морковками, так что час-полтора бодрствующая часть общества отнюдь не скучала. Лёша Маленький изучал фотоаппарат; девушки изучали содержимое сумки. Изучили. Притомились. Разбежались. Повалились.

2

Андрей появился последним. Узрев его помятую одиннадцатичасовым сном физиономию в дверном проеме, заржали все. Он сделал надутые губы и присел рядом на корточки, спиной к стенке.

Проводница расщедрилась и позволила, чтобы мы, бедные, несчастные, лишенные нижних мест и порядком доставшие её митингами в коридоре, немного посидели на лавочке в служебном купе. Мы и сидели, галдели и ждали, пока один из нижних соседей не сойдет. В открытое окно щедро несло дизельной гарью: второй вагон – не пятнадцатый. На улице жарило солнышко. Для полного счастья не хватало только завтрака, но с этим решили повременить до собственной сидячей полки.

Скука в дороге толкает людей на самые разные выкрутасы. На чтение книг. На игру в карты. На сон. На покупки.

Весь поход меня грызла мысль, что у нас не хватит денег. Не совсем зря, как впоследствии оказалось. Турьё же, как сговорившись, всё жаждало чего-нибудь купить. Особым разнообразием и обилием желаний отличалась Маленькая. Все финансово-распределительные стрелки сходились на мне, и выглядел я таким бессмысленным жмотом, скря-

гой, которому жалко тыщу⁴ на стаканчик семечек. Да! Жалко! Плохой я! А кто нынче хороший? Вот к нему и обращайтесь.

Тем не менее, семечки, купленные через мой труп, грызли все. И я, конечно. Жвачку, купленную через второй мой труп, жевали почти весь поход, и жалели, что кончилась. И я жалел. Только несчастный деликатный Маленький оказался обездоленным: его не профинансировали на покупку сушено-заветренной ватрушки на какой-то из станций. Пирожки с крысятиной и картошкой купили, а ватрушку завхоз не хотел, а потому руковод денег не дал. Вот и решайте, у кого в группе власть де-юре, и у кого де-факто. Правда, в де-юре входит также возможность де-fuckто наказывать слушников, да вот беда – добр я не в меру...

В Ухте вывалился почти весь вагон, и за оставшиеся до Сосногорска десять минут нас едва не вымыли наружу шваброй. Хорошо, рюкзаки не всплыли. Вот промелькнула по левому борту очередная зона, по правому – величественная голова Ильича, выставленная на потеху на высоченном яру, и поезд встал на втором пути у Сосногорского вокзала.

Лёшек я направил в диспетчерскую пошукать попутный товарняк до Печоры – сэкономить денюжат. Абрис дал не совсем точный, и через сорок минут забеспокоился – видать, далеко ушли. Выполз на темный перрон, поглядел вле-

---

⁴ Дело происходит до деноминации, поэтому тысяча соответствует одному нынешнему рублю.

во-вправо – вакуум. Высоко над путями сияют два искусственных солнца, озаряя вереницы безжизненных вагонов. Хвосты составов тонут во мраке. На юге, ближе к депо, взрывают могучие дизеля. С севера холодный ветерок то и дело доносит нестерпимую вонь местного сортира. Сзади, в вокзале, очередь неспешно гоножится за билетами на Москву. Всё в порядке, но где же Лёшки?

Вернувшись, Большой меня чуть не затоптал. Они и вправду ушли далеко, но потом сообразили и отыскивали искомый домик. Там сказали, что в без двадцати полночь пойдёт порожняк до Печоры с тра-та-та-дцатого пути. Поскольку время было ещё детское, с розысками порожняка постановили подождать, и двинули в вокзал.

Обратите внимание: Света, Света и Андрей сидели в вокзале и беседовали. Не дошло, на что обращать внимание? Вот и славно. Просто отложите это сообщение, первое по ходу дела, в банк данных и защитите от перезаписи. Потом дойдет.

Маленькая, с моей точки зрения, вела себя странно. Дома она привычно исполняла роль хозяйюшки, самую трудную из домашнего репертуара, была взрослая, спокойная и самостоятельная, а тут из неё так и посыпались различного рода нытики. Девяносто шесть раз на дню у неё успевал заболеть и перестать болеть какой-нибудь орган. Четыреста сорок два раза в час настроение менялось на противополож-

ное. Полтора миллиона с хвостиком раз за поход она бурно выражала свое недовольство кем-нибудь. Классическая её реплика «Ты чё беспокойный такой? Спокойно-то посидеть не можешь?» – долго являлась всем в ночных кошмарах⁵. Представить только: раз за ночь Большому, вечно крайнему в спальнике Маленькой, вздумается перевернуться с боку на бок, и вот он уже объявлен беспокойным, зашуган, построен и возвращен на предыдущий бок. И поделом: спокойно-то полежать не может?

В Сосногорске, хорошо помню, у неё болела печень. К нашему удивлению, в вокзале оказался действительно круглосуточный медпункт, куда Света Большая не без помощи моего пинка Маленькую заволокла. Там её пощупали, потюкали, помяли, задали десяток наводящих вопросов и объявили, что болит совсем не печень, и вообще надо срочно лечь в больницу. А пока, до больницы, попить сульфаниламиды. Здорово! Ехали мы, ехали и, наконец, приплыли. Команда инвалидов. Отит, разбитая коленка, а Маленькая, оказывается, и вовсе не жилец. Что ж, кажется, пришла пора брать билеты на Лабытнангский поезд, но только не в сторону Печоры, а домой.

Я с подозрением оглядел чересчур цветущих Свет. Заткнул ухо ваткой с отинумом, чтобы грелось и ерунды не слушало. Сопоставил вопросы и ответы, доносившиеся из медпункта.

---

⁵ Кажется, сейчас такое принято называть «мемом».

– *Здесь болит?*

– *Да-а...*

– *А сюда отдает?*

– *Отдает...*

– *А вот тут колет?*

– *Колет...*

Мысленно два раза перекрестился и плюнул через левое плечо на все заболевания. Пошли в поход – потерпят. Не потерпят – выйдем аварийно. А то мужики меня разотрут в порошок. И что ж, что при таких жалобах всеми правилами прямо предписывается отказаться от похода? Ну их, эти правила...

С поездами в Сосногорске не повезло. Порожняк в Печору так и не собрался. Прицепные к двадцать второму поезду ярославские вагоны, в отличие от прошлого года, объявлены фирменными и дорогими. Один из поездов Сосногорск – Воркута отменен. Так что до Печоры с нашими финансами можно добраться только Лабытнангским, отходящим отсюда в пять утра, там бегом-бегом слетать за разрешением и вернуться к часу дня на местный до Сивой Маски. Не успел – сиди до ночи.

Длительное ожидание вновь породило проблему: как убить время?

Известно, что студента (аспиранта, инженера, доцента, профессора) МГТУ им. Баумана отличают от прочих два

пристрастия: к пиву и к преферансу. Пива я не пью⁶, в преферанс до этого похода играл только с компьютером – хорош бауманец! Но когда мужики засобирались расписать пулю, виду не подал, сел сдавать. По невежеству вистанул на встречу Большому на семерной, в результате чего Маленький уволок лишнюю взятку, а больше крупных ляпсусов, вроде, не допустил. Молодые, Маленький с Марабу, сделали нас с Бегемотом, как хотели. Так и повелось на весь поход. Садимся играть – Маленький выигрывает, Андрей тоже выигрывает, но меньше, а нервничает больше. Большой проигрывает и ржет, я проигрываю больше всех. Впрочем, последние места четко не закрепились, и кабы не сделал мне однажды Железный Дровосек паровоз из трех на мизере... Впрочем, всему свое время.

Беда заключается в том, что в покер, например, сражаться можно – от двух до шести, а вот в преф больше четырех игроков никак не сядут. Что остается сделать двум оставшимся, если эти двое – дамы? Правильно, надуться как можно пузыристее и бойкотировать играющих. В этот раз нас спасло то, что и девушки, не только мы, проголодались. После получаса игры они, всё ещё насупленные, полезли в дежурную сумочку, напластали колбасы с батоном, развели «Zuko» и принялись потчевать. Сытое же брюхо к раздражению глухо, и атмосфера несколько восстановилась.

Пулю не дописали, потому что нестерпимо потянуло

---

⁶ Было же такое время, а.

спать. Самый опытный, Алексей Владимирович, просто откинулся и захрапел. Маленький, менее опытный, решил усесться поудобнее, опершись головой на стенку, но оказался лицом к лампочкам. Впрочем, они ему не мешали. Маленькая побродила, решительно уселась рядом с Алексеем Борисовичем и уклалась на него. Железный подлокотник между сиденьями они сначала игнорировали, потом угнездились на одну сидушку, потом... Что только не вытворяли, но всё с закрытыми глазами. Во сне.

Мне спать было нельзя – выжидал трех часов до нашего поезда. Фирменный уже просвистел. Пошатался по перрону, списал расписание, затаив дыхание, посетил клозет и вернулся в зал. Света с Марабу беседовали на боковой скамейке, поотдаль от груды рюкзаков и сонных туристов. Подошел, сел рядом... беседа притихла. К счастью, долго эту афонию терпеть не пришлось – около двух ночи одиноко поплелся в кассу, обрел билеты, вернулся в зал, устроился поближе к Бегемоту и захрапел. Нехай беседуют.

К поезду проснулись с трудом. Ночная прохлада несколько не согнала сонную дурь. Напротив, приходилось прилагать все усилия, чтобы не шататься сильно под тяжелым рюкзаком на долгом пути к хвостовому вагону, а уж как разбирались по полкам, кто там с кем спал и кто с кем болтал – мне, лично, было до фени.

И тут выспаться не дали! На какой-то станции, часа за полтора до Печоры, в вагон набилась уйма народу, да-

ром, что плацкартный. На головах у нас не сидели, но нижние полки заняли все, а уж языками чесали... Что ли они не знали, что мы спать хотим? Зато при подготовке к выходу мы вволю оттянулись, картинно сбрасывая сверху рюкзаки на скамейки рядом с побледневшими зайцами. Несмотря на то, что народ здесь ушлый и ко всему привычный, когда два пуда ухаются с размаху в трех сантиметрах от тебя... Неприятно.

В Печоре тепло и солнечно. Старый вокзал закрыт, его замещает наскоро собранный железный амбар-18⁷. Быстрее! Времени нет. В вокзал. К расписанию. Ура – поезд на Сивую Маску не отменен. К рюкзакам. Взять деньги, паспорт, записнушку... Что ещё? Ах, да, документы по турфирмам и карты – показать Валере⁸, он в прошлом году просил. Теперь за жетоном и – к телефону.

Позвонил, назвался, попросил какую-то девушку приморозить нашего благодетеля, буде он до моего прихода покажется, и рванул в подошедший автобус. Абрис расположения конторы Валера мне по телефону продиктовал, но, надо сказать, я очень долго её искал. Ушел совсем в другую сторону, а улицы пустынные, спросить не у кого, два встреченных дряхлых деда и названия улицы не помнят, не то, что – где такой-то дом...

---

⁷ Аллюзия на широко известный тогда фантастический фильм «Ангар-18».

⁸ Печорскому предпринимателю, помогавшему нам советами и оформлением разрешения в нацпарк.

Валерий Александрович меня снова не признал, как и в прошлом году. Когда вспомнил, посидели, поболтали о деле и просто так. Он сбегал, выписал мне хитрое разрешение за полцены (там сказано: «часть маршрута проходит вне заповедника»... Какая часть? Где проходит? В какие именно дни? Здорово, так и надо писать, ни один инспектор не подкапается). Рассказал об изменениях в расположении изб. Поведал, что числа двадцать второго должен идти борт с Озерной, и, если мы там окажемся, то нас подхватят бесплатно. Если борт вообще полетит. А нет – выходите через Сыню вот так-то и так-то, там ерунда – километров сорок... Нет, вот до сюда ещё двадцать семь... И ещё тридцать... М-да, уже не ерунда получается... Надо же, а зимой на «Буране» так близко кажется...

Сводил меня к себе домой – уточнить схему этого буранного выхода. Уточняли в подвале дома, где у него оборудован склад снаряжения. Надо сказать, для предприятия, специализирующегося на туристических услугах, не много там барахла. Одну группу оснастить – и то с трудом. На прощание дал мне одну цветную фотопленку, попросив нащелкать на неё красивых закатов и прочих прелестей и прислать ему – открытки печатать.

Самое ценное, что я вынес из этого визита – телефон и фамилию мужика из Кожим-Рудника, промышленяющего забросом туристов в горы на собственном «Урале». Дозвониться ему не смогли, но Валера пообещал сделать это, пока мы бу-

дем ехать в поезде. На том и расстались.

На вокзал я прилетел, подобно буре в рюмке. Подъем! Едем! Везут! Я был бодр. Я был энергичен. Я был весел, черт побери! Дело катилось на мази и шло к тому, что сегодня к вечеру мы окажемся аж на Базальте⁹, сэкономив целые сутки от графика! А ещё я наэкономил денежек, вот я какой! Омрачить моего настроения не могли ни теснота в вагоне, где я предсказывал полный вакуум, ни отсутствие воды к коржику, любезно оставленному для меня товарищами, ни дико тесные ботинки, к коим я умудрился забыть стельки...

Как всё-таки здорово кидаться в приключения на подъеме настроения!

---

⁹ Руднике на хребте Обе-Из.

3

Нестер – это фамилия шофера – к поезду немного опоздал. Я чуть было не уснул Лёшек за водой километра за два к Кожимскому мосту, но опомнился и вернул. Пока звонил со станционного телефона, узнавал, куда он запропастился, зарычал мотор, и вот она, машина. Специально для нас.

Торговаться я не умею. Впрочем, мне не кажется, что мы слишком много заплатили за подвоз. До Желанной Нестер берет миллион, туда сто двадцать пять километров. До Базальта – тридцать, как раз четверть. Хотел заплатить двести тысяч, сошлись на двухстах пятидесяти. Залезли. Поехали!

Перед тем, как машине тронуться, Маленький успел нас щелкнуть. Замечательная картинка. Солнышко, легкий ветерок колышет волосы. Большой снял очки, наивно полагая, что так он симпатичнее. Большая перед аппаратом всегда делает неестественно-похоронное лицо, если успевает тщательно изготавится к съемке. Я довольный, как сметаны нахлебался, в руке новенькая видюха наизготовку¹⁰. Все хорошие. Все красивые. Все довольные.

Светка ругалась – разобьешь камеру, не помилую. Поскольку я не прореагировал должным образом на замечание, она насупилась и уперлась взглядом в невидимые горизон-

---

¹⁰ Это был первый наш поход, в котором я снял VHS-видеофильм.

ты. Так и стояла у переднего борта кузова, пока окружающий мир не расшевелил её.

Очень трудно описать впечатления человека, впервые проезжающего на машине по Кожимскому тракту. В самом деле, я ведь ехал уже в третий раз, но не мог и не пытался преодолеть чувство глупого восторга, наблюдая стремительную карусель перспектив.

Вот с обеих сторон проплывают необъятные пустоши. С них тянет своеобразным кисло-сладким духом, присущим только моховым болотам. Сильно тянет, сильнее, чем в прошлые годы. Ровная буро-желтая поверхность местами щетинится чахлыми кустиками, редкие деревца умудряются выжить среди топей.

Вот машина взобралась на увал Сылбок-Чугра. Справа гряда высоких скальных сбросов, и один утес слева от дороги, у самого Безымянного ручья.

Вот мы на водоразделе перед рекой Сывь-Ю. Горы впереди ощутимо приблизились. Северная, дальняя, часть хребта Малды-Изукрыта серым, кажется, там идет дождь. Обе-Изияет под вечерним солнцем. За ним большая по здешним меркам вершинка Пальник-Из усердно кутается в кучевые облака. Южный скат вершины обрывается круто, чуть-чуть приоткрывая вдаль огромную красную стену Салед, верх которой тонет в дождях. На юге, на западе и на севере висит пронизанная солнышком зеленоватая мгла – признак хорошей погоды на ближайшие сутки.

Вот машина с размаху ухается в кристально прозрачную воду Сывь-Ю. Колеса молотит по донным бульникам. Алексей Владимирович одной рукой вцепился в борт, другой – в меня, чтобы я, увлекшись съемкой, не отправился искупаться.словно могучий корабль, «Урал» рассекает и баламутит воду, брызги так и летят во все стороны. Внизу по течению на гладь спокойной воды прилегла крошечная радуга, как низенький мостик, перекинутый через речку.

За Сывь-Ю следует тяжелый даже для машины подъем на Малиновую Горку, где пихты растут так плотно, что, говорят, через их частокол непросто протиснуться. Лента дороги чернеет, виляет, крутит в предгорье хребта и, наконец, выводит на широкую площадку, усыпанную белым щебнем, где отворот к Базальту. Тряска усиливается, на ногах трудно устоять. Ещё несколько минут, и лес внезапно обрывается.

Здесь уральское плоскогорье предстает во всей красе. Увалы покрыты цветными мхами, то зелеными, то белыми; острова густой желтой травы перемежаются с серыми нагромождениями курумника; местами вздымаются крупные останцы, неведь как оказавшиеся на довольно ровном месте. Слева причудливая группа камней, напоминающая дракона: длинное тулово, нависающая крупная голова, перепончатый гребень на спине, два уха торчком...

Снимаю почти безостановочно, хотя машину кидает всё сильнее и за качество съемки ручаться трудно. Ещё бы –

это первый для половины из нас взгляд на близкие горы, и какой же красивый! Впереди постепенно прорисовывается высокий осыпной лоб, под ним база¹¹ Базальт. Серые россыпи уступают место бордово-красным, под стать названию базы. Шофер аккуратно пробирается колесами между особенно крупных камней, разбросанных по дороге, круто заворачивает и останавливается. Приехали. Выгружаемся, расплачиваемся. Машина, неспешно пофыркивая двигателем, убредает за линию местного горизонта. Рык мотора медленно угасает, постепенно сменяясь другим до боли – в буквальном смысле – знакомым звуком: комариным писком.

---

¹¹ Скорее, все же рудник.

4

Отсюда начинаются мои фотографии. На время поездки в машине «Зенит» я отдал Андрею, а он почему-то ничего не снял. Я же тогда ещё не приспособился успевать и снимать кино, и щелкать фотоаппаратом одновременно.

Лишнее доказательство тому, что человеческой натуре свойственна упорная субъективность. Маленький работал «Олимпусом», который значительно точнее выставляет выдержку, много лучше наводится на резкость и вообще имеет более четко рисующий объектив, чем мой «Гелиос-44». При недостатке освещения он подмигивает вспышкой, у него можно выбрать трансфокатором только часть видимого поля или, наоборот, «втянув» объектив сделать вполне приличный снимок в упор. Первую половину похода он снимал на «Кодак», я – на более дешевую «Орву». И тем не менее, мои снимки мне не просто дороже – это и понятно, – но и нравятся больше. Мне кажется, что «Орва», по сравнению с именитым «Kodak Gold», более точно передает цвета, а особенно, цветовую насыщенность, не пытаясь приукрасить мир. При съемке на солнце и там, и там видно, что солнечно, но в пасмурное время по кодаковскому снимку очень трудно определить погоду, тогда как от взгляда на некоторые мои фотографии просто бросает в дрожь. Легкий красноватый оттенок камней в ручье на Лешином снимке превраща-

ется в насыщенный бурый цвет, а трава везде, как тропическая, сочно-зеленая, будто только что омытая ливнем.

С другой стороны, мои фото часто грешат неточной цветопередачей. На «Кодаке» если уж елка – зеленая, так зеленая, на «Орве» же она часто отдает голубоватым или желтоватым оттенком. Ну и трансфокатор, конечно, позволил сделать несколько великолепных снимков, где видна высота, чего мне крайне редко удастся добиться, где ощущается пространство, где черные тучи над умершим лесом схвачены так, что производят впечатление близкого армагеддона... Доступно? Это всё трансфокатор и «Кодак». А вообще я, безусловно, куда как более талантливый фотограф, и вообще я, безусловно, куда как более талантлив, и вообще. Вот. Такой вот я скромный.

Но что можно поделаться, если мои фотографии нравятся мне больше? Со снимков, сделанных на Базальте, смотрят на меня недовольные физиономии, облепленные первыми кровососами. Столько их там обреталось, что никакого терпения не хватало – хотелось с воплями носиться по лужайки, размахивая всеми доступными конечностями. Именитые антикомарины помогали, но ненадолго, зато драть намазанные участки начинали моментально. А уж когда потек пот...

Мы довольно долго переодевались и переобувались. Сноровистый Андрей успел скомкаться вперед других и сидит на камушке, улыбается в объектив и обмахивается стебельком иван-чая. Сзади за ним нелепо торчит посреди обшир-

ной пустоши одинокий сортир, ещё дальше – гряда Обеза, и за ней – чернота. Тучи собираются у истоков Сывь-Ю и медленно ползут на север, к нам. Туалет в чистом поле вызывает недоумение, мрак за горами – легкое беспокойство. Но ведь сегодня из Печоры Саблю видно не было, воздух особой прозрачностью не отличается, дымка, как и положено, чуть-чуть сзелена... Что беспокоиться? Все приметы хорошей погоды. Пожалуй, только низкая радужка над водой не в кассу...

К старту все уже почти чокнулись от невероятной массы назойливых мессершимитов. Не припомню ни одного дня в своей десятилетней практике, чтобы так усердно жрали. Поэтому под рюкзаки подлезали даже с какой-то затаенной радостью: сейчас пойдем, выскочим на ветерок, сдует гадов, отстанут... Держи карман шире.

В первые дни Большой, офицер в душе, меня доставал до иступления. Выдай ему приказ, куда, с какой скоростью, до какого предела двигаться, и всё тут. А я не знаю, куда двигаться! Не могу я сказать: «Азимут сто шестьдесят – шестьсот метров, потом азимут сто семьдесят пять – триста метров; сорок шесть минут идем до хорошей площадки рядом с водопадом, там перекусим». Я и правда не знаю, куда может привести эта тропинка, или другая, или что скрывается за этой горюшкой. Мне известно, что наш путь, в общем и целом, лежит на юг к истокам ручья Пальник-Ель. Когда кончится лес, пойдет широкий плоский водораздел, за кото-

рым глубокий кар притока Сывь-Ю. Когда *именно* кончится лес, бес его знает. Километров через пятнадцать, плюс-минус два. За каром, на второй день пути, следует повернуть налево вдоль небольшого ручья, пройти несложный перевал и попасть на болота в истоках Сывь-Ю. А вот что мы будем делать в течение одного этого перехода, извини, Лёша, не знаю. Идти будем, что ж ещё. Сильно не отрывайся, вдруг пройдем метров двести, и не понравится мне наше направление – тут мы его и подкорректируем. Где ночевать будем, мне тоже неизвестно. Ближе к границе леса, авось, приглянется местечко, чтоб и ровно, и мягко, и вода, и дрова... И не надо, Светочка, пилить меня – «у группы руководителя нет, руководство не проявляется, все делают, что заблагорассудится»... Не надо! Невозможно сделать так, чтобы всё происходило так, как хочется начальнику, и только так. Для этого руковод должен быть, как минимум, святее папы римского и абсолютно непогрешим, чего я о себе сказать не могу. Слушай, если ты ещё раз проедешься по моей привычке долго принимать решения, когда много альтернатив, я тебя...

Как я их? Эх! Раззудись рука, раскрипись перо... Итак, Алексей Владимирович маячит впереди группы. Зеленый рюк гордо реет на его согбенной спине. Мы резво чешем по осыпной полочке, которая вскоре оборвется вниз, к базе, и нам придется долго спускаться по крупным камням до ровного места. Ноги ещё не обвыклись с характером дви-

жения, заплечные насильники пока очень тяжелы, и каждый шаг дается с трудом. Дамы киснут. Большая Света боится, так как хорошо помнит свой полет с последующим торможением об бульник в прошлом году. Маленькая боится, потому что ей впервой. Тот неласковый мрак из-за спины Марабу уже приперся к нам вплотную, и понемногу начинает сеять мелкий дождичек. Когда спустились в месиво растерзанной техникой глины около балков, дождь припустил вовсю. Короткий участок дороги, упирающийся в сыпучу, ещё не вкусившую динамита, моментально осклиз и стал противнее самых противных камней. Но по дороге можно двигаться спокойнее и быстрее, чем по камням...

По хронометражу на колупания в окрестности Базальта мы потеряли полчаса ходового времени. Это ужасно много. По хорошей дороге, да если разойтись во всю мочь, это целых три километра. Я ещё не раз добрым словом помяну себя самого за выбор восточного обхода, хотя, строго говоря, не так уж я и виноват в задержке. Где база – не знали, не заставили шофера довести до неё, а пройти слева посоветовал великий знаток местности Валерий Александрович, печорский турист, многожды тут бывавший. И ведь правильно посоветовал, только откуда ему было знать, как пойдут события? Так уже случалось однажды: вместо того, чтобы выскочить на плато (в данном случае справа от гряды), откуда просто деваться некуда, кроме как пересечь его всё до конца, спрыгнули в лес. А тут и скорость ниже, и траверс кру-

че, и мест, фальшиво соблазняющих к биваку, больше. Да здравствует плато, жестокое, каменистое, длинное, как судный день! По нему приходится монотонно шлепать и переход, и другой, а там, глядишь, вот и водораздел рядом!

Я был столь наивен, что накарябал в хронометраже – «дождь снесло». Вот насколько мне не верилось, что все приметы врут беззастенчиво, и не будет, не будет нам хорошей погоды. Смешно? Смешно не это. Несмотря на любой опыт, в начале похода турист всегда наивно стремиться сохранить обувь сухой ещё полчаса, не замочить штанов, не подмокнуть под мелким дождичком... К середине похода эта дурь несколько выветривается, и мокрые ноги уже не вызывают такого суеверного ужаса. А к концу маршрута ритуал одевания вечно наполненных водой ботинок даже становится приятным, бодрящим не хуже прохладного душа. Душ, впрочем, также приедается, только время от времени вызывая выбросы горячей ненависти, бессильной его развеять.

На снимке – Большой. Под камнем. Забился под консольно нависающую плиту, бережется от промокания после первого перехода. Смеется – в голос. Эк удумал!.. Рюкзаки рядом понуро мокнут, правда, уложены всё же спинами вниз, на камни, чтобы потом не обмениваться влагой с владельцами. Ничего, скоро и эта предосторожность тихо умрет...

Оскоминная истина: первый день идетя крайне тяжело, и рвать нельзя. Не сломаешься сам – сломаешь других, у кого или здоровья меньше, или самолюбия. Или больше притворства, это тоже сбрасывать со счета нельзя. В конце коротенького третьего перехода стало страшно смотреть даже на фотографии туристов, не то, что на оригиналы. Морды красные, дыхание хлюпающее, синдром поправления лямок через полтора шага, спотыкач непрерывный... Между тем,

вода охотно стекала с неба и нигде – по поверхности. Хоть бы какой ледащий ручьишко прожурчал! Время к восьми, пора и честь знать, становиться. А куда? Схитрил: оставил всех подышать дождевой аэрозолью, а сам сбежал вниз по склону метров двести – нет, не булькает. Под ногами, в траве – *more*¹² влаги, но как её уговорить в котелок? До Пальник-Еля не побежал. Далеко, да и, откровенно говоря, несколько испугался. Повсюду в травах широкие ленты вытоптаны, следы чьи-то кружат и петляют, одна полянка вся утоптана, будто целая стая валялась и перекатывалась. Стая – кого? Вот-вот, и я испугался.

Наверх вернулся не спеша. Есть: физиономии обрели цвет, средний между насыщенно-розовым и трупно-голубым. Замерзли, значит можно двигаться. Дорожку вниз я протоптал, всю воду собрал на себя, а жалко, что не на кого-нибудь другого. Склон скользкий, давай-ка змейкой, змейкой, змеить всегда, змеить везде, до самого до донца... Лишь бы никто не обряшился с хрустом, вскриком, растяжением, переломом, типунном на языке руководителя размером с рюкзак... Нет, такой в рот не влезет, как же я командовать буду?

Место стоянки определилось само собой. Неподалеку от берега ручья выдается пригорок, окаймленный болотинной, сверху ровный и, наверное, сухой. Пойдем, посмотрим. Э, что это под ногами так живо всё колыхнется?

---

¹² Много (англ.)

В болоте самое главное – не стоять. Тяжеленный лось на большой скорости без проблем преодолевает топь, а остановится – утонет враз. Поэтому решения надо принимать в реальном масштабе времени и сразу же выполнять. Командую назад – поясные ремни расстегнуть, обойти справа по кустам. Краем глаза отмечаю, что дисциплинированный Лёша меняет курс. Сам продолжаю движение, поскольку весь предыдущий опыт подсказывает, что такая плешка должна быть вполне проходимой. И даже удобнее для прохода, чем окружающий цепкий кустарник. Наступать на кустики. На островочки травы. На черные пяточки, они крепче, чем мох вокруг. На пучки хвощевидных тычков, увенчанных спутанным белым пухом. Как там у Толкина называлась подобная травка с белыми цветками? Симбелин?

За пять метров до начала возвышения сажусь левой ногой по гениталии. Упираюсь правой, она уходит по колено безо всякого сопротивления. Приехали. Сзади – шумный чавк. Оборачиваюсь: здравствуй, женушка-по-пояс, какого дьявола тебя сюда занесло? Света подает интенсивный звуковой сигнал. Из кустов за развитием драмы заинтересованно наблюдают коллеги.

По возможности плавно скидываю и валю на бок рюкзак. Снимаю с шеи видеокамеру и кладу сверху. Света, уже освободившаяся от станка и очень нервная, хватает её с явным намерением спасти путем метания на островок. Прикидываю, что от камеры останется, крайне невежливо ору: «Нет!»

Из кустов наблюдают. Ещё раз нагружаю правую ногу – тонет. Что делать? Пытаюсь придать голосу равнодушное спокойствие, извещаю:

– Мужики, это серьезно!

Реагируют моментально. Рюкзаки летят оземь, Большой командует Маленькому – «Веревку!» – и маленькими шажками начинает приближаться к нам, за ним Андрей. Мне, понятно, стыдно разглядывать их снизу вверх, я чуть-чуть опираюсь на рюкзак и получаю первое смещение вверх – не вниз. Болото норовит стянуть ботинки. По цепочке на сухое место уходит камера, потом выволакивают мешки, и к этому моменту я уже твердо стою на четвереньках. Как извлекают Свету – не вижу, карабкаюсь туда, где – по колено – стоит Большой и встаю на ноги. Держит. Света уже рядом. К черту, к черту эти приветливые, гладкие, ровные, удобные моховые болота! В кусты, в гущу рьяно хлестких веток! Кусты не растут на гидропонике, им нужна земля, твердая земля, очень мокрая и грязная надежная земля. Уф. Наконец-то и мы у врат Мадрида¹³. Теперь в ручей – смыть гадость с ног.

Место, честно говоря, так себе. Да, ровно и почти не хлопает. Вода рядом в ручье. Слегка тянет ветерок, но крылатые сволочи его без труда преодолевают. Все вымокли и начинают дрогнуть от безделья.

Палатку нашу никто, кроме владельца, ставить не умеет. Даю ему в подмогу Андрея, сам с Большим отправляюсь

---

¹³ А. С. Пушкин, «Каменный гость», искаженно – как уж вспомнил.

по дрова. Дров мало, кое-как сгребаем две небольшие охапки и спешно тащим к выбранному для костра месту. Ну, теперь оскандалиться никак нельзя. С величайшей тщательностью отбираю ещё хоть сколько-нибудь сухие веточки, укладываю поверх отодранной где-то Алексеем бересты, готовлю запас покрупнее... Чирк! Пошло. Поехало! Полетело!.. Неугомонный коллега уже смотался к воде и приволок котлы. Так, прикроем костерок от дождя котлами, и быстрее бы они закипели.

Тем временем идет сражение с палаткой. Андрей с недоуменным видом сочленяет какие-то железки, рядом нетерпеливо отмахивается от кровососов Маленькая. Капюшон надвинут на лицо, руки упрятаны в рукава, но для опытных и, главное, многочисленных кровопийц это не препятствие. Сборщики производят совершенно темные для нас действия: какие-то длинные оранжевые плети запихивают вовнутрь, на глазах оформляется полусферический купол, потом одним движением набрасывается тент, оттянут вход и всё готово. Вот это палатка¹⁴! Двойная, жесткая, на морду ложиться не будет, против ветра устоит, тепло удержит. Материал светлый, свечки до глубокой ночи не понадобятся. Этого всего я ещё не знаю, но домик наш мне уже нравится. Кроме цены – триста баксов. Мне не по карману.

---

¹⁴ В этом походе вообще было много нового. И VHS-камера, и нормальная четырехместная палатка Rhinocercus ветроустойчивым каркасом из шести дуг, и пленочный компактный фотоаппарат-автомат. Вот диодные фонари еще не появились, потому и речь о свечках дальше.

Можно ли считать моей заслугой то, что весь поход, как правило, никто не переодевался, а главное, не переобувался, пока не завершались первые бивачные работы – костер, палатка, котлы, дрова? Нельзя, наверное. Я никого и ничего не заставлял делать, за что и подвергался многократным уничижительным выпадам со стороны завхоза. Все творили, что хотели, и, тем не менее, бивачились мы очень быстро. Парадокс? Нет. Просто в первый раз, видимо, за всю мою походную историю подобрались в группу мужики, отягощенные совестью и взаимопониманием. И так это оказалось неожиданно и приятно, что временами прошибало до сентиментальных слез.

Рачительный завхоз – счастье и горе группы. Есть два признака высокой его квалификации. Первый: у хорошего завхоза продукты никогда не кончаются. Читай: экономит, как может, на желудках сотоварищей. Второй: у хорошего завхоза продукты никогда не остаются. Не читай: кладет то, что положено по раскладке. Читай: заставит сожрать даже то, что сожрать трудно¹⁵. Сегодня день был внезакладочный, и Светочка угостила нас остатками китайской варено-сушеной вермишели¹⁶ с добавкой тушенки. Торопыги, быст-

---

¹⁵ Все совершенно неправильно. Фраза про «не кончаются» и «не остаются» совершенно правильная, но достигается это не рачительностью, а расчетами. При этом, разумеется, никаких «внезакладочных» дней быть не может в принципе. Это был чисто мой прокол – разумеется, раскладку составляла не Света.

¹⁶ Кстати, дошираки тоже только что появились и использовались чуть ли не впервые. Тоже новшество. Как раньше без них в поездах ездили? Вообще

ро и полностью вытрясшие в миски мешочек со специями из комплекта, остались очень недовольны и всё стремились к ручейку. К пище некоторые неосознательные члены общества намекали на выпивку, но я им это прекратил. Здесь вам не тут. Я вас быстро отвыкну водку пьянствовать и безобразия нарушать. Отделение, на ночную поверку по спальникам – брысь!

Первая ночь в походе – событие немаловажное. Во-первых, происходит распределение плацкарт и общих мест. Во-вторых, распределение женщин по мужчинам и мужчин по женщинам. В третьих, определяется размер захватываемой территории, и зачастую он не меняется весь поход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.